

ШАМИЛЬ
ИДИАТУЛЛИН

*Бояться
Поздно*

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И29

Художник Елизавета Корсакова

Идиатуллин, Шамиль Шаукатович.

И29 Бояться поздно: [роман] / Шамиль Идиатуллин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. — 346, [6] с. — (РЕШ: Страшно интересно).

ISBN 978-5-17-162845-1

Шамиль Идиатуллин — прозаик, журналист, дважды лауреат премии «Большая книга».

Действие фантастического детектива «Бояться поздно» разворачивается в пригороде Казани в январе 2024. Молодые ребята приезжают на заснеженную турбазу повеселиться, пофлиртовать и — поиграть в новую компьютерную игру. Все начинается легко и просто, но игра оказывается не просто игрой: из постоянно меняющейся реальности невозможно выбраться, и граница между жизнью и смертью стирается...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162845-1

© Идиатуллин Ш.Ш.
© ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

ЗАЕЗД

1. ЛЕТИ, ЖДЕМ

Аля сделала все, чтобы не опоздать, поэтому опоздала почти безнадежно. Почти безнадежно, почти память, почти вставанием, ага.

Чтобы не опаздывать, надо рано встать, заранее собраться и вовремя выйти. Эти пункты Аля перевыполнила. В смысле вскочила задолго до отъезда родителей и брата, но час убила на взаимные наставления и прощальную суету, в смысле подготовила гораздо больше вещей, чем требовал выезд с одной ночевкой, и в смысле упаковалась настолько загодя, что какой-нибудь психиатр с дипломом по гиперответственности живо заинтересовался бы таким показательным случаем.

Пусть мамой интересуется. Это ведь она составила список вещей, включая безусловно необходимые на лесной базе зеркальце, плюшевую пижаму и мешок лекарств. И это ведь мама решила, куда их паковать. Кто сказал, что в лес на денек с чемоданами не

ездят? Никто не додумался? Ну и всё. Рюкзаком все плечи оттянешь, а чемоданчик сам катится.

Чемодан сам не катился, «а вот оно стоял-то», как в дурацкой папиной песенке, в прихожей, незакрытый, чтобы можно было сунуть ноут, застегнуть и подхватить. Розовый, самолетный. Показательно собранный еще вчера.

«Будь умнее, не спорь», — этому мама научила Алю раньше, чем заплетать косички. Поэтому Аля сразу решила не спорить, а переложить вещи — самые нужные — в рюкзак уже после отъезда родителей. Ну и брата, как уж без него.

Для Амира каждая поездка к тетушке в Кукмор — бонусный Новый год. Там лес, Нурминка и Вятка, валенки, пряники, сразу два брата-ровесника, куча дружков того же дикого возраста, а также горные лыжи и другие способы выпуска пубертатного пара. Аля стадию дружков постановила считать исчерпанной как минимум до весны. Гормоны закипят — поищем, куда пар стравливать, а до того спасибо, не надо пока уже больше совсем никак никогда. А подруги Али разъехались по университетам и ко второму-третьему курсу разучились при первой возможности мчаться к маме. Могли себе позволить. Везет им.

Если по-честному, Аля не считала себя невезучей. Да, в двадцать два живет с родителями и мелким вредным братом. Да, круг друзей ограничивается, если всерьез, Алисой. Да, личная жизнь — ну нет ее. Надо ли переживать по этим поводам? Не-а. Во-первых, переживания ничего не меняют. Во-вторых, менять что-либо более деятельным способом Аля не

хотела. Потому что, оно же в-третьих, ей и так привычно и спокойно: дом есть дом, Алиса одна замечает любой круг, с перебором, в смысле идей, движа и живого веса — так, этого я не говорила и не думала, вычеркиваем, запрещаем себе впредь и шлепаем по губам. А от личной жизни все равно не увернуться, наползет так, что потом будешь тосковать по утраченному прозябанию, плавали — знаем. Наша задача — делать что положено, а остальное время лежать в произвольно выбранном направлении.

Родители так не считали. Мама разок открыто взрыднула насчет «лучшие годы уходят», а втихушку, наверное, убивалась на постоянной основе. Папа смотрел сочувственно, ладно хоть с советами не лез. Зато Амир, всосавший все ресурсы социализации и коммуникабельности, выделенные их семье мирозданием, то и дело напрыгивал с идеями знакомства со старшими братьями своих неисчислимых бро и подружкаек. Аля отпинавалась. От Амира в буквальном смысле, а родителей пинать не полагалось. Приходилось терпеть — пока не доводили.

Доводили, надо отдать им должное, редко. Зато несмелый вопрос «А можно я не в Кукмор, а на базу с ребятами поеду, Алиса зовет?» вызвал такой восторг, будто Аля получила приглашение работать в штаб-квартире ООН или хотя бы приняла предложение руки и сердца первой ракетки мира.

Папа не утерпел, принялся допытываться, что за ребята, давно ли они известны Алисе и с какой конкретно стороны, — явно готовился разоблачить международный синдикат работорговцев. Но мама

сразу цопнула его за руку и заглянула в лицо. Так заглянула, что папа запнулся, смутился и сказал: «Класс. Давай, если мама не возражает».

Мама, вот сюрприз, не возражала. Только всю неделю по пять раз на дню забегала к Але с явным намерением завести задушевный разговор с советами и рекомендациями, но вовремя спохватывалась и сбегала, для порядка осведомившись, не помочь ли чем. И с дороги позвонила трижды, будто мало было утренней накачки.

Из-за этого Аля и опоздала.

Не из-за этого. Из-за ноутбука. Он опять начал дурить и показывать неверное время.

Такое с ним случалось и успешно лечилось. Весной пришлось, правда, переустанавливать систему — Амир помог.

Он и в этот раз помог бы. Он, кстати, единственный отнесся к Алиному выезду как вменяемый человек: не хлопотал, не строил одобрительных рож и, вопреки ожиданиям, не лез с глумливыми советами. Амир немножко расспросил про игру, про чатик и про то, как Алю занесло в чатик, погуглил, сказал, что тема крутая и что сам он с удовольствием в такое вписался бы, и ускакал, а потом уехал.

Поэтому помочь с ноутбуком Амир не мог. Да и не было ни желания, ни сил, ни, главное, времени для воздействия на ноутбук, который, гад такой, показывал 08:31.

Пораньше-то Аля встала, чтобы сделать лабы на первую неделю семестра и вступить в выходные человеком, свободным от обязательств. Немножко

не успела: то мама отвлекала, то опять мама. В последний раз Аля особенно ловко расправилась с мамиными расспросами, отложила телефон и на миг окаменела. На экранчике было 08:35.

Четыре минуты опоздания значили, что Аля не успеет на маршрутку в 08:45. С маршрутки надо было пересесть на трамвай до вокзала. Электричка отправлялась в 09:27, так что Аля предполагала оказаться на перроне с пятнадцатиминутным запасом. Маршрутка подъезжала каждые десять минут, трамвай важно оценивал интервал своего движения в шесть — тринадцать минут. Четырехминутное опоздание, стало быть, оборачивалось как минимум шестнадцатиминутным, то есть категорическим. И на такси надежды нет: все маршруты в центр пылали красным, на машине добираться пятьдесят пять минут — это Аля выясняла уже в полете из комнаты в комнату, вдеваясь в подготовленную одежду и перекидывая телефон из руки в руку.

Обещала и подвела. Стыд-то какой.

Она сунула в чемодан ноутбук с зарядкой, с трудом подавив желание долбануть гада об стенку. Нельзя: без него никак ни в поездке, ни вообще. Знает и пользуется, гад.

Аля взвизгнула молнией чемодана, грохнула дверь и загремела незастегнутыми сапогами по лестнице, даже не сказав традиционное «остаешься за старшего» Свену, неодобрительно наблюдавшему за суетой со шкафа.

Маршрутку она увидела издали: та издевательски медленно отчаливала от автобусной остановки

через дорогу. Аля рванула по проезжей части, едва не теряя сапоги, вихляя чемоданом и не оглядываясь на гудки и страшный рокот. Резкое торможение на индевелом асфальте, только что посыпанном хрустящей смесью, звучало, как сабвуфер в разгар фильма катастроф.

Маршрутка отпрыгнула на полсотни метров и замерла на перекрестке, будто дразнясь. Догонять ее было бесполезно: водителям запрещено впускать пассажиров на проезжей части.

Аля моргала вслед маршрутке, пока та не скрылась за бесконечной пробкой, бодро миновав ее по выделенной полосе. Аля добрела до остановки, отвернулась от теток, наслаждавшихся ее марш-броском за прозрачными стенками павильона, и принялась застегиваться.

На этом можно было отправляться домой — повинившись перед Алисой. А то ждать же будет, перед электричкой ляжет, знаем мы ее: темперамент похлеще, чем у взвода Анн Аркадьевн с цистерной масла.

Аля, бурча черные слова, с трудом извлекла телефон из свежезастегнутой куртки — и тут к остановке подлетела, распахнув двери, маршрутка непривычного вида, бело-желтая, древняя и облупленная. Из дверей пыхнуло жаром. Динамик гаркнул:

— До «Речного техникума»!

Сунувшиеся было в дверь тетки разочарованно откатились. А Аля сделала шаг и замерла, соображая. Вернуться домой, разобрать вещи и спокойно доделать лабы, а потом полтора дня наслаждаться

одиноким и свежими стримами под свежие пирожки, которые можно купить по пути, — вот верное и умное решение. На вокзал-то всяко не успевают.

— Девушка, вы едете, нет? — раздраженно рявкнул динамик.

— Нет, — решительно сказала Аля и юркнула в салон.

А то стыдно будет, подумала она, плюхаясь на сиденье через проход от тощей кондукторши: маршрутка рванула, будто с пинка. Чемодан бросился в хвост салона, чуть не вывихнув Але плечо.

— За проезд передаем! — прорычал динамик.

Аля сидела сразу за водителем, других пассажиров не было. Можно и не орать, особенно когда летишь на такой скорости. Маршрутка проскочила на желтый свет ближайший, а потом и следующий перекресток, чуть сбавила скорость и принялась выть и подпрыгивать менее нервно. Молодец, подумала Аля. Она мазнула картой по терминалу, подставленному кондукторшей, и, подумав, все-таки написала Алисе: «лечу но кажется опоздаю прости прости». Еще вывалила кучку эмодзи, для убедительности придавив их извиняющимся стикером.

Ответ был краток: «лети ждем».

Аля уверилась, что все-таки успеет на электричку, — и разуверилась, едва выскочив на «Речном техникуме». Корма трамвая медленно удалялась в сторону Кировской дамбы вдоль мертвой пробки. До вокзала трамвай, если верить навигатору, шел сем-

надцать минут. До отхода электрички оставалось девятнадцать.

Вот и отдохнула, подумала Аля и все-таки принялась набирать извинение Алисе. И тут вдали забренчал следующий трамвай. Подходящий. Внеурочный.

Алиса ждала — так, что не отскочишь. Ждала у раскрытых ворот перрона, большая и яркая, поди не заметь.

— Аля, сюда! — заголосила Алиса, подпрыгивая и размахивая руками, едва Аля выволокла чемодан из салона и заозиралась, четко понимая, что не успеет: надо еще купить билет и миновать турникет, а электричка отходит через две минуты, при этом на каком она стоит пути и с какой стороны вокзала туда заходить, неизвестно.

Ну хорошо, известно, ожесточенно додумывала Аля, семена под стрекот чемоданных колес по плитке к Алисе, кинувшейся навстречу. Все равно бежать минут пять. Особенно если через рельсы. Поцелуем корму электрички, в лучшем случае — съехавшиеся двери, и облом с поездкой выйдет не только у меня, которой всё это даром не сдалось, но и у Алисы, которая почти месяц мечтала об интеллектуальном мультиплеере со славными ребятами и любименькой подружкой среди лесов, снегов и романтики. Не простит ведь.

— Привет... Алис... — пропыхтела Аля. — Эй... Я... сама...

Но Алиса уже чесала по перрону, держа чемодан на весу. Аля, подышав, припустила за ней. Из распахнутых дверей двух соседних вагонов махали не-

знакомые парни, один в черном, другой в яркой оранжевой куртке.

Электричка пронзительно вскрикнула, вагон страшно зашипел, из дверей неразборчиво вывалились куски гневного объявления.

Не успеет, поняла Аля и прибавила ходу. Оба парня уже не махали, а растопырились в проемах, удерживая двери ногами и спиной.

Двери зашипели сильнее. Аля перепрыгнула через ногу парня в черном. Алиса вместе с чемоданом влетела в соседний вагон.

Аля чуть не ударилась всем телом в противоположную дверь. Ее рывком удержали за плечи в последний момент, и тут же створки громко сошлись за спиной. Электричка опять заорала и тронулась.

— Спасибо, — пробормотала Аля сквозь тяжелое дыхание парню в черном, который снова спас ее от падения.

— Эх, проспорил, — сказал парень и засиял, не отрывая глаз от Али.

Началось, подумала Аля обреченно.

2. АЛИ-ЭКСПРЕСС

— Траблы? — осведомился Марк, остановившись так резко, что Аля без малого воткнулась носом в его тощую спину.

Аля осторожно выглянула из-за спины.

Электричка оказалась новехонькой и пахла китайской игрушкой только что из упаковки. Вместо

привычных лавок, обращенных друг к другу попарно, выстроились по-автобусному сиденья с тканевой обивкой — три ряда справа, два слева.

Алиса уже уселась, сияя. Девушка у окна, худенькая и очень красивая, в серо-бежевом, залипла, конечно, в телефоне. На креслах перед ними высился курган сумок и рюкзаков. Парень в оранжевой куртке — очевидно, Карим — ловко подхватывал их и впихивал на багажную полку рядышком с Алиным чемоданом. Але он улыбнулся бегло, но хорошо.

— Расслабься, Лол, — сказал Карим без натуги, как будто не пристраивал в этот момент сразу две сумки. — Уже все порешали.

Он совершенно не обращал внимания на стоящую в проходе пару средних лет, хотя та сверлила его глазами что есть мочи. Карим изучал щель между сумками на полке, небрежно держа в полусогнутой руке рюкзак почти с Алю величиной. Втолкнуть его в щель было невозможно, но Карим умудрился — двумя движениями, заставившими крикнуть и хрустнуть, кажется, не только сумки, но и всю полку со всем распределенным вдоль вагона содержимым.

— Я говорил, занято, подойдут сейчас, а вы: «Раскидали, раскидали», — весело сообщил он паре и повернулся к Але. — Садитесь, Аль, куда удобно: можно сюда, можно к девочкам.

Про «сюда» не могло быть речи. Але хватило позора с опозданием и забегом, вишенкой на котором стали обнимашки с Алисой, — Аля только в процессе осознала, что оставила на скуле дорогой подруж-

ки здоровенное мокрое пятно: пот лил, как из крана. Алиса своя, она поймет, даже вытираться не стала, но все равно стыдоба. А рядом с незнакомыми парнями такой Ниагарой присаживаться — это будет прям репутация на века.

Алиса тут же сдвинулась на среднее сиденье, чуть не впечатав красавицу в окно — та аж от телефона отвлеклась. Аля ойкнула и поспешно, пока подруга не подключила более явные намеки, скользнула мимо Марка и Карима. Карим, поняв ее намерение, сказал «ага» и плюхнулся к окошку. Аля подседа к Алисе, а Марк — к Кариму, на крайнее сиденье. Посередке не получилось бы при всем желании: Карим нависал почти над половиной сиденья. Он оказался реально огромным. В дверном проеме и в динамике это смотрелось не так пугающе.

Теперь все вывернули головы к возмущенной паре. Карим сообщил:

— О, одно место есть, оказывается. Сядете?

Он потянул себя за борт куртки, будто это могло сузить его вдвое.

Пара развернулась и удалилась к дальнему тамбуру, испуская лучи раздражения и ненависти, почти видимые невооруженным глазом.

— Вот и хорошо, — отметил Карим, снова вставая и принимаясь разоблачаться. — Дальше гоним без проблем, прыжков и ужимок.

Аля сказала:

— Ребят, я прошу прощения, у меня часы, оказывается, отстают, из-за этого на маршрутку опоздала, а там еще пересадка, а на такси вдвое дольше.